

CONNECTIONS

The Quarterly Journal

Том XIII, № 4

Осень 2014

Потенциал для быстрого реагирования Европейского Союза: как сделать этот последний большой шаг 1

Мэтью Мак-Крей

Региональные альянсы: политическая, военная и экономическая стратегия для противодействия враждебным региональным силам 29

Дэвид Тиер

Экономическое развитие Западных Балкан: на пути к конкурентной рыночной экономике? 61

Валбона Зенели

Порочный круг демократизации или как Грузия не смогла измениться 75

Давид Апрашидзе

Доклад Счетной палаты США о морской безопасности 83

Региональные альянсы: политическая, военная и экономическая стратегия для противодействия враждебным региональным силам

Дэвид Тиер*

В последнее время Россия и Китай продемонстрировали агрессивные действия, которые устойчиво вызывают международную озабоченность. Соединенные Штаты как страна, которая заинтересована в сохранении существующего мирового порядка, выражает озабоченность потенциальными нарушениями этого порядка, которые могут сказаться на их интересах. Усиление националистических чувств восходящих сил, их увеличивающаяся военная мощь, демонстрируемое желание использовать военную агрессию и активизированные в последнее время территориальные претензии стали причиной того, что защитники *статус-кво* беспокоятся, что война маячит на горизонте. Попытаются ли Россия и Китай сделать дерзкую попытку захватить то, что они считают своим? Не менее чем две другие региональные силы вызывают беспокойство. Соседи Северной Кореи и Ирана бдительно следят за агрессивными действиями этих государств-«изгоев». В какой степени соседи, находящиеся под угрозой, должны предпринять меры для защиты своей территориальной целостности в интересах своей национальной безопасности? Судя по некоторым недавним признакам, слабости со стороны государств, находящихся под угрозой, новое поколение необстрелянных руководителей и их соответствующее население должны учесть уроки политики «мира через силу» для того, чтобы защитить себя от возможной агрессии. Страны, находящиеся под угрозой, должны создать, укрепить и расширить военные альянсы между партнерами с общими интересами, должны нарастить свои военные способности, обеспечивая адекватные оборонные расходы, и должны продемонстрировать желание предпринимать военные действия против агрессоров с тем, чтобы уменьшить угрозу нападения.

Начиная с оценки существующих вызовов, затем изучая то, как глобальные силы должны защищать региональные альянсы в период их формирования, и на последнем месте, анализируя соответственно провал и успех альянсов времен Первой мировой войны и Холодной войны, в этой статье предложена стратегия противодействия враждебным государственным региональным силам. Страна или альянс, которые сталкиваются с враждебной региональной силой, должны иметь оборонные расходы, соответствующие хотя бы одной трети расходов потенциаль-

* Дэвид Тиер – майор Сухопутных войск США, который работает офицером по стратегическому планированию и политике. У него степень магистра по специальности «Публичная администрация», полученная в школе им. Кеннеди Гарвардского университета. Является автором книги «Увядаящая Великая стратегия демократизации». Взгляды, выраженные в данной статье, являются точкой зрения автора и не отражают официальную политику или позицию Правительства США, Министерства обороны или какого бы то ни было их органа.

ного агрессора для того, чтобы воспрепятствовать агрессору, но должны стремиться к двум третьим. Глобальные силы должны способствовать формированию региональных альянсов для того, чтобы сохранять *статус-кво*.

Россия: возвращение к величию империи 19го века?

Российская Федерация недавно захватила Крым и является постоянной угрозой для территориальной целостности Украины. Международное сообщество громко осудило это действие. Под предводительством США некоторое число стран приняло ограниченные действия в виде санкций для наказания России. Хотя в основном символически, США провели демонстрацию военной силы, выражающейся в развертывании небольших подразделений в регионе, показывая уровень решимости противодействовать дальнейшей агрессии. Украина оказала очень незначительное сопротивление при захвате Крыма, и ее шансы на успешное противодействие конвенциональному вторжению на свою основную территорию весьма незначительны. Однако, страна использует военную силу для подавления сопротивления, которое предположительно поддерживается Россией.

Многие рассуждают о мотивах России, но только сам Путин, может быть, понимает конечную цель этой страны. Независимо от того, является ли целью восстановление бывшего величия царской России и обеспечение доступа к ресурсам, или декларируемое намерение защитить этнических русских, неопределенность информации заставляет соседей России предпринимать разумные защитные меры на случай худшего сценария.

В целом, действия России в отношении Украины раскрыли некоторые слабости Запада, но так же дали возможность возобновить интерес Европы к коллективной обороне. Расположенные рядом с Россией члены НАТО, Эстония, Латвия, Литва и Польша выразили заинтересованность в большей силе. Бывшие члены Варшавского договора, Румыния, Болгария, Венгрия, Чешская Республика и Словакия сбежали из Восточного блока после падения Берлинской стены и добились членства в НАТО, но новая напористость России, определенно, должна их беспокоить. Однако, эти страны не приложили достаточно усилий, чтобы защитить себя от России, надеялись на потенциал других стран для усиления своих оборонных способностей, или на первом месте стремились к политическим альянсам, которые рассчитывают в большей степени на подписание документов, чем на создание собственной военной силы. Они не инвестировали достаточно в собственную оборону для того, чтобы обезопасить себя против агрессии России. Украина и Молдова, с ее отколовшимся Приднестровским регионом, в котором возможно вмешательство России, должно быть, сожалеют о своей неподготовленности к нынешней ситуации. Надо иметь в виду, что в 2012 году Россия потратила на оборону 90.8 миллиарда долларов США, а десять стран, перечисленных выше, все вместе израсходовали 20.25 миллиарда, или приблизительно 22 процента от расходов России.¹ И примерно такая тенденция имела место последние десять лет.

¹ Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), *Military Expenditures by Country*, 2012, доступно на <http://portal.sipri.org/publications/pages/expenditures/country-search>.

Хотя потраченные доллары не обязательно напрямую превращаются в сравнимые военные способности, оборонные расходы являются рациональным показателем для оценки уровня усилий. В 2012 году оборонные расходы России составляли 4.4 процента от валового национального продукта (ВВП), тогда как в среднем оборонные расходы этих десяти стран находятся на уровне 1.5 процента.² Если бы они были серьезно обеспокоены угрозой военной агрессии со стороны России, в сумме эти страны должны были бы попытаться располагать военным потенциалом хотя бы на уровне одной трети военного потенциала России, просто для того, чтобы имелся какой-нибудь баланс в случае возможного российского нападения. Исследования в области военных операций показывают, что силы, проводящие оборонительные операции, благодаря тактическим преимуществам в обороне должны располагать военной силой в отношении 1:3 для того, чтобы иметь равные шансы на успех с нападающими.³ Это отношение боевой мощи не обязательно измеряется числом воюющих, оружейных систем или огневой мощи, приведенных в действие, но включает и способствующие факторы, которые определяют военные способности в целом. Для того, чтобы обеспечить шанс больший, чем 50:50 для каждой из сторон, каждая из них должна изменить в свою пользу соотношение сил от равновесного значения 1:3. Согласно военным исследованиям, проведенным Центром анализов Сухопутных сил, обороняющиеся с вероятностью 80 процентов помешают достижению военных целей нападающих, если обеспечат соотношение сил 2:3, при ожидаемых потерях от собственного огня на уровне 6 процентов. Атакующие улучшают свои шансы на успех до 80 процентов при соотношении сил 1:6, так же при ожидаемых потерях в 6 процентов от собственного огня.⁴ Поскольку оборонные расходы можно использовать как приблизительный показатель для военного потенциала, страны, желающие защитить себя от враждебной региональной силы, должны иметь по крайней мере военные расходы на уровне одной трети расходов стран, от которых исходит угроза.

Прежде чем продолжить, важно отметить, что оборонные расходы не превращаются напрямую в боевые способности. Это несовершенное эвристическое правило. При некоторых предположениях и в целом сохраняя постоянные значения некоторых переменных, можно считать, что расходы на оборону являются справедливой мерой для сравнения ожидаемых военных способностей разных стран. В этом сравнении предполагается, что страны планируют свои оборонные расходы с одинаковой разумностью, эффективностью и экономностью, что в известной степени неверно. Естественно, это вносит ошибки. Кроме того, вычисление оборонных расходов нескольких стран в потенциальной коалиции предполагает, что рас-

² Там же.

³ Michael E. Brown, *Offense, Defense, and War* (Cambridge, MA: The MIT Press, 2004), 168.

⁴ National Research Council, *Improved Operational Testing and Evaluation: Better Measurement and Test Design for the Interim Brigade Combat Team with Stryker Vehicles*, Phase I Report (Washington, DC: The National Academies Press, 2003), 105-108. Предполагается, что преимущество обороняющихся (ПО), вычисленное по соотношению сил (СС) в соответствие с общепринятыми принципами находится на уровне 1:3, как указано в Brown, *Offense, Defense, and War*, op. cit., 168.

ходы будут координированы в совместных решениях о распределении между всеми сторонами в совершенно эффективной «умной обороне».⁵ Мы знаем, что это тоже не всегда верно. И последнее, потенциально враждебная сила, от которой хочет защитить себя альянс – к примеру, Россия, – так же может увеличить свои военные расходы, чтобы противодействовать увеличению оборонных расходов стран, над которыми она хотела бы сохранить превосходство. Однако, такое построение из теории игр типа действие-реакция-контрреакция всего лишь меняет числа, участвующие в сравнении. Оно не меняет положение о том, что надо балансировать определенную долю оборонных расходов агрессора. При равных других условиях деньги, потраченные на оборону, будут определять располагаемые ресурсы и могут служить приблизительным правилом для сравнения военных способностей разных стран. Поэтому субъект, желающий защитить себя от государственной военной угрозы, должен расходовать на оборону не менее одной трети оборонного бюджета потенциально враждебного государства. Коллективная оборона так же может оцениваться коллективными оборонными расходами, хотя будут иметь место дополнительные неэффективности из-за того, что разные страны будут приобретать дублирующиеся способности и будут иметь место отдельные подобные накладные расходы, например на исследования и разработки, которые следовало бы распределять между странами.

В виде математической формулы минимальный уровень оборонных расходов для стран, которые сталкиваются с потенциально враждебной силой регионального значения, должен быть:

$$Ayw \geq (1/3)T$$

где:

- A – сумма оборонных расходов союзных стран, противодействующих враждебной силе T
- y – коэффициент потерь из-за неэффективности расходов в альянсе A
- w – коэффициент эффективности расходов альянса по сравнению с эффективностью расходов враждебной силы T , и
- T – ожидаемые оборонные расходы враждебной силы.

В качестве примера: поскольку оборонные расходы России в 2012 году составили 90.8 миллиарда долларов США и принимая, что имеет место совершенная интеграция коллективных военных способностей потенциальных союзников, а также то, что реализуется одинаковая эффективность расходов ($y=1$, $w=1$), группа стран, которым угрожает Россия, должны были бы иметь общий оборон-

⁵ Согласно НАТО, «умная оборона» определяется как группа союзников, сотрудничающих в разработке, приобретении и поддержке военных способностей для решения проблем безопасности в соответствии с совместно принятой стратегической концепцией, характеризующейся объединением и общим использованием способностей, установлением приоритетов и координированием усилий. Для подробностей смотри www.nato.int/docu/review/topics/en/Smart-Defence.htm.

ный бюджет за 2012 год как минимум на уровне 30.25 миллиардов долларов. Это дало бы оборонные способности, которые обеспечили бы противодействие потенциальному нападению со стороны России с 50% шансом на успех. Общий бюджет из 30.25 миллиардов был бы минимальным уровнем – минимальной основой оборонных расходов – для группы стран, чтобы защитить свои интересы, так как рационально действующая враждебная сила при вероятности 50/50 шансов на успех, вероятно, имела бы основательную причину для колебаний. При обеспечении этого уровня оборонных способностей сдерживание могло бы работать. Кроме того, это заставило бы потенциального агрессора заплатить большую цену в стремлении добиться более высокого уровня расходов, чем минимальное 3:1 для того, чтобы быть сильнее, чем страны, которым он угрожает. Вероятно, обороняющийся субъект стремился бы к успешной обороне с вероятностью большей, чем 50/50, что в 2012 году потребовало бы оборонные расходы на уровне более высоком, чем в 30.25 миллиарда.

Если Украина рассчитывала только на себя для защиты от России и не зависела бы от альянса, то ей пришлось бы потратить в 2012 году 30.25 миллиарда долларов США. Это составило бы 17 процентов ВВП страны,⁶ что почти в два раза больше, чем у любой другой страны в мире.⁷ Это было бы очень высокой ценой. Если союз десяти упомянутых восточно-европейских стран распределил бы бремя оборонных расходов, им пришлось бы объединить оборонные расходы на уровне 2.5 процента ВВП для каждой из них, чтобы в сумме получить одну треть оборонных расходов России. Это было бы намного более разумно, чем возложить такие расходы на одну единственную страну.

Дополнительный момент, который надо иметь в виду, это то, что чем больше стран участвуют в соглашении по безопасности, на тем более маленькие части будет распределен общий оборонный бюджет. Возможно, эта группа государств могли бы убедить Финляндию, Норвегию и Турцию, или страны Кавказского региона и Центральной Азии присоединиться к соглашению, что распределило бы расходы на еще большее число стран. Разумеется, НАТО в целом, или общая оборона Европейского Союза (ЕС) могли бы поддержать создание такого союза. Однако, Россия может воспринять новый соседствующий с ней союз, поддерживаемый НАТО как нечто почти не отличающееся от прямого расширения НАТО в сторону ее границ и попытается сорвать формирование такого союза. Отдельный, более конкретно ориентированный оборонный альянс, состоящий из стран Восточной Европы, возможно, был бы менее провокационным для России, чем расширение НАТО.

Это, однако, поднимает другую проблему, состоящую в том, что эти страны могут быть членами нового регионального альянса, одновременно сохраняя свое членство в НАТО или в ЕС. Сеть переплетающихся, перекрывающихся альянсов

⁶ Данные о ВВП Международного Валютного Фонда, “Report for Selected Countries and Subjects,” доступно на www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/weoselco.aspx?g=2001&sg=All+countries, по состоянию на 20 мая 2014.

⁷ SIPRI, *Military Expenditures by Country*, 2012.

может быть опасной для всех сторон, втягивая их в еще больший пожар, если потенциальный конфликт инициирует ответ только одного из союзов. Как при начале Первой мировой войны, событие местного значения может инициировать спираль втягивания в войну стран одну за другой из-за того, что эти страны будут выполнять свои союзнические обязанности. Этот риск надо уменьшить. Учреждение нового альянса изменит архитектуру безопасности региона, и существующие альянсы могли бы пересмотреть свои учредительные документы для того, чтобы гарантировать, что их обязательства правильно предусмотрены. К примеру, в случае с НАТО альянс мог бы поставить дополнительные условия к своей оборонной политике таким образом, чтобы в случае требования страны-члена применить Статью 5 о коллективной обороне, требующая страна должна иметь в виду защиту своей собственной территориальной целостности, а не территорию третьей страны, которая не является членом НАТО. Это гарантировало бы, что страны НАТО, которые посылают силы для защиты другой страны-члена, не будут помогать требующей применения статьи 5 страны защищать страну-нечлена, в то же время подтверждая готовность альянса защитить ее. Что более важно, это уменьшит риск втягивания НАТО в большую войну страной-нечленом, или неосторожными странами-членами, заключающими непродуманные соглашения вне НАТО.

Присмотревшись к данным более внимательно, можно утверждать, что потенциальное партнерство восточно-европейских стран могло бы позволить себе рискнуть обеспечивать коллективное суммарное соотношение боевых способностей ниже 1:3 в сравнении с Россией, поскольку некоторая часть способностей России останется направленной против угроз безопасности где-то в других местах вдоль ее границ. Россия, вероятно, будет поддерживать некоторую часть военных усилий на Дальнем Востоке для защиты от Китая, часть для обеспечения безопасности на Кавказе, и даже угрозы, происходящие от Северной Америки, заставят Россию направлять военные способности в другие места кроме Восточной Европы. Дополнительным преимуществом этого было бы уменьшение вероятности того, что Россия воспримет такой альянс как провокацию. Однако, любое соотношение ниже 1:3 преднамеренно вызовет дополнительный риск, основывающийся на таком предположении. Если здравомысляще предпочесть не принимать этот дополнительный риск и в попытке улучшить шансы на военный успех выше, чем 50/50, альянс стран Восточной Европы должен попытаться достичь соотношения сил с Россией большего, чем 1:3.

Странам Восточной Европе в некоторой степени можно простить недостаточные оборонные расходы в прошлом. Прежде всего, из-за близости к России Украина была в тени России до такой степени, что это препятствовало участию в соглашении о коллективной безопасности или независимому развитию необходимого оборонного потенциала. Естественно, нынешний кризис, по крайней мере частично, порожден увеличивающейся близостью Украины к Западу, когда она начала рассматривать возможность присоединения к ЕС. Если бы Украина попыталась вступить в альянс раньше, или если бы ее оборона демонстрировала потенциал стать достаточно сильной для того, чтобы стать вызовом для способности России оказывать на нее давление, этот кризис случился бы раньше. Молдова,

кроме того, что это маленькая страна, страдает от дополнительной проблемы, что должна мириться с присутствием российского контингента миротворцев в районе Приднестровья. Присутствие этих сил напоминает о руке России и ее способности оказывать давление. Подобные факторы имеют место в Балтийских странах и бывших членах Варшавского договора. Эти страны придерживаются поведения, которое должно успокоить Россию, не бросая вызов ее превосходству увеличением собственных военных способностей. Белоруссия настолько находится под влиянием России, что она склонна действовать как союзник России, чем как потенциальный партнер в сфере обороны других своих соседей. Однако сейчас, когда угроза российской агрессии воплотилась в жизнь, появился шанс, что эти настроения изменятся. Есть хорошая возможность объединить эти страны против продолжающейся экспансии России.

Хотя по отдельности страны Восточной Европы малы и слишком слабы, чтобы сопротивляться российской агрессии самостоятельно, вместе они располагают потенциалом защитить себя, если объединятся для коллективной обороны. Если есть хорошая координация, минимальный уровень оборонных расходов будет стоить каждой стране как минимум 2.5 процента ВВП. За эту цену эти государства могут обеспечить с вероятностью 50/50 срыв достижения военных целей в случае нападения со стороны России.

Китай: создание новой династии?

В последние годы Китай стал агрессивной региональной силой. Каждый день в водах Южнокитайского моря происходят драматические морские стычки и напряженное противостояние между силами береговой безопасности и гражданскими судами, плавающими под национальным флагом. Дипломатические размолвки между государствами периодически попадают в заголовки прессы. Недавно объявленное установление Китаем Идентификационной зоны противовоздушной обороны в Восточнокитайском море стало причиной для острых противоречий. Китай продолжает вести кибершпионаж и провел испытания противоспутниковых систем оружия. В целом, заново активизированная напористость Китая в установлении контроля над спорными территориями в Южнокитайском море поддерживается значительным ростом военных способностей. В сочетании с предположением, что в Южнокитайском море находятся до сих пор неэксплуатируемые огромные запасы нефти, ценность оспариваемых между несколькими государствами территорий увеличивается. Группы островов Парасель, Спратли и Сенкаку/Дяоюйдао стали еще более горячими точками, в которых может начаться региональный вооруженный конфликт с наиболее вероятным участием Китая, Японии, Тайваня, Филиппины, Малайзии, Брунея и Вьетнама.

Как и в случае с Россией, конечные намерения Китая остаются неясными, поскольку остается неясным вопрос, в какой степени Китай будет использовать подрывную деятельность и скрытую силу для удовлетворения своих территориальных претензий в регионе. Какова их крайняя цель? Хотя Китай не подает признаков, что хочет распространять свою коммунистическую идеологию, как некогда делал Советский Союз, Китай демонстрирует готовность использовать силу для

разрешения конфликтов, таких, как установление контроля над Тайванем или для подавления внутреннего инакомыслия. Китайские экономические интересы, которые сильно зависят от морского транспорта через Малаккский пролив, являются еще одной причиной для дальнейшего расширения военного влияния Китая в регионе. Возрастающие военные способности Китая, его международные интересы и его готовность использовать силу делают неразумным исключение возможности того, что Китай может стремиться к военному конфликту как способу реализации своих тайных амбиций. Как и при анализе ситуации в Восточной Европе, страны Южнокитайского моря должны предусмотрительно обезопасить себя на случай самого худшего сценария, если они хотят чувствовать себя в безопасности в своих нынешних территориальных границах.

Действия Китая привлекли достаточно внимания для того, чтобы Соединенные Штаты обратили особое внимание на свою политику по отношению к нему. Администрация президента Обамы сделала «разворот к Азиатско-Тихоокеанскому региону» важным приоритетом своей оборонной политики и намеревается перераспределить военные ресурсы в пользу Тихоокеанского командования вооруженных сил Соединенных Штатов. Однако, изучение региональных акторов показывает, что возможно не все страны, которые находятся под наибольшей угрозой агрессии со стороны Китая, предприняли адекватные меры для своей защиты.

С 2007 по 2012 год Китай в среднем тратил 128.8 миллиарда долларов США в год на оборону, что составляло в среднем 2.1 процента ВВП.⁸ Оборонные расходы Японии составляли 1 процент ее ВВП.⁹ Расходы Японии, которые находились на уровне 46 процентов от оборонных расходов Китая, были достаточны для использования по крайней мере одной трети ресурсов, необходимых для гарантирования уровня уверенности 50/50 в своей способности защищать свои территориальные притязания. Если оборонные расходы Японии превращаются в военные способности с той же эффективностью, что и у Китая ($w=1$), Япония могла бы с вероятностью около 65 процентов помешать Китаю в достижении его военных целей в случае конфронтации.¹⁰ Однако, не все военные усилия Японии направлены против Китая. Некоторое количество усилий направлено на противодействие потенциального нападения со стороны Северной Кореи или России. В отличие от анализа, относящегося к России, для целей этого анализа мы примем, что часть японских военных усилий, направленных на защиту от других государств, кроме Китая, равняются аналогичной части, которую Китай вынужден резервировать в защиту своих интересов, кроме как в Южнокитайском море. Это предположение позволяет выделить оборонные интересы Японии и Китая, касающиеся друг

⁸ SIPRI, *Military Expenditures by Country*, 2007-2012. Выраженные в долларах США за 2011 год.

⁹ Там же.

¹⁰ См. National Research Council, *Improved Operational Testing and Evaluation*, op. cit., 105-108. Преимущество обороняющихся (ПО) вычисленное в терминах Соотношения сил (СО) принимается 1:3 в соответствии с общепринятыми принципами, описанными в Brown, *Offense, Defense, and War*, op. cit., 168. См. заметку 5.

друга. Это вряд ли возможно для случая России, поскольку другие угрозы на ее периферии больше, чем угрозы для Восточной Европы. Такое предположение имеет смысл в отношении Японии, поскольку Япония и Китай имеют приблизительно одинаковые уровни других оборонных интересов, кроме тех, что касаются их взаимных отношений. Это предположение помогает упростить обзор ситуации, но и вносит ошибку в окончательный анализ того, сколько надо расходовать на оборону. Хотя Япония может и способна защитить свои интересы против Китая, но она так же пользуется преимуществами договора о взаимной обороте с Соединенными Штатами. Этот договор о взаимной обороне в большой степени укрепляет ее уверенность, как и другие подобные соглашения между странами в Южно-китайском море.

Тайвань поддерживает такой же относительный уровень оборонных расходов, как и Китай. За период с 2007 по 2012 год Тайвань в среднем тратил по 10.0 миллиардов долларов США в год, что составляло 2.2 процента его ВВП.¹¹ Это приблизительно 8 процентов оборонных расходов Китая. Хотя это слишком мало, чтобы соответствовало совокупным оборонным расходам Китая, большой процент оборонных расходов показывает готовность Тайваня обеспечивать свою оборону. Сравнение, однако, показывает степень, в которой Тайвань нуждается во внешней помощи, чтобы обеспечить себе приемлемую вероятность успешной защиты своей территориальной целостности. Тайваню будет очень выгоден договор об обороне, но угроза, что Китай вмешается для предотвращения подобного альянса, делает достижение такого соглашения проблематическим. До определенного момента Тайвань пользовался официальной защитой США, пока действовал Китайско-американский договор о взаимной обороне. Когда, однако, в 1979 году США нормализовали свои отношения с Китаем, действие договора закончилось. Тогда как восстановление союза США-Тайвань, вероятно, приведет к конфликту, возможно интеллигентное маневрирование для присоединения к региональному альянсу имеет лучший шанс на осуществление. Лучшим вариантом было бы сначала учредить региональный альянс, который заявит себя как надежную силу, противостоящую Китаю. Затем Тайвань мог бы присоединиться к этому союзу и остаться под зонтом его защиты. Тайваню, однако, надо будет взвесить подобное решение, учитывая укрепление безопасности благодаря дополнительным союзникам и увеличение вероятности провоцирования войны с Китаем.

Анализ других ключевых акторов в регионе показывает, что они находятся в слабой позиции. Совокупные оборонные расходы Филиппин, Малайзии, Брунея, Индонезии и Вьетнама за период 2007-2012 год составляли 2.6 миллиарда долларов США в год, т.е. 2 процента от расходов Китая.¹² Оборонные расходы этих государств составляют в среднем 1.5 процента от их ВВП. Если бы все эти государства, включая Японию и Тайвань, объединили свои оборонные ресурсы в рамках совершенной «умной обороны», коллективно они достигли бы 66 процентов от оборонного бюджета Китая. Если предположить, что сохраняется правомер-

¹¹ SIPRI, *Military Expenditures by Country*, 2007-2012.

¹² Там же.

ность описанных выше предположений, у них был бы 80 процентный шанс не позволить Китаю достичь своих военных целей в случае нападения.¹³

Это приводит нас к модифицированному уравнению для регионального альянса, которое обеспечивало бы уверенность с вероятностью 80 процентов в сохранении *статус-кво* путем использования военной силы в случае конфликта. Желательный уровень оборонных расходов должен быть:

$$Ayw \geq (2/3)T$$

За период 2007-2013 года образование, ставящее своей целью защиту своих интересов против китайской агрессии, отдельное государство или многонациональный альянс, должно было бы тратить примерно 43 миллиарда долларов США в год, чтобы располагать как минимум одной третью оборонных способностей Китая для того, чтобы достичь уровня уверенности 50/50, что может помешать Китаю в достижении его военных целей. Это образование должно было бы тратить 86 миллиардов в год для обеспечения уверенности на уровне 80 процентов. И снова, подразумевается правомерность выше принятых предположений, в том числе то, что потенциальный альянс будет в совершенстве координировать свои ресурсные усилия в рамках «умной обороны» ($y=1$), и расход долларов будет превращаться в равные военные способности, независимо от того, кто их тратит ($w=1$). Как бы там ни было, семь перечисленных выше государств просто должны были бы расходовать 0.6 процента или 1.2 процента в среднем от их совокупного ВВП для достижения соответствующих уровней уверенности.¹⁴ Это вполне разумный уровень оборонных расходов.

Поскольку анализ периода с 2007 по 2012 год показал, что эти страны во главе с Японией в совокупности превышали минимальный уровень расходов, необходимый для противодействия агрессии Китая с умеренной вероятностью предотвращения достижения военных целей Китая в случае войны, они близки к состоянию, когда будут способны коллективно противодействовать их потенциальному региональному агрессору. Однако, если принятые предположения неверны, 43 миллиардов будет недостаточно. К примеру, мы знаем, что эти страны не координируют в совершенстве свои расходы в рамках «умной обороны». Их оборонные расходы для создания военных способностей могут быть или не быть более эффективными, чем у Китая, но в коллективном плане они определенно менее эффективны (т.е., $y < 1$). У них нет экономик такого масштаба, как у Китая, а насколько рациональны их варианты модернизации военных способностей, еще надо посмотреть. Каждое такое неправильное предположение будет вносить некоторый уровень ошибок, для компенсации которых понадобятся дополнительные оборонные расходы. Хорошим механизмом для уменьшения трений при ко-

¹³ See National Research Council, *Improved Operational Testing and Evaluation*, op. cit., 105-108. См. заметку 5.

¹⁴ GDP data according to International Monetary Fund, “Report for Selected Countries and Subjects,” доступно на www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/weoselco.aspx?g=2001&sg=All+countries, по состоянию на 20 мая 2014.

оперативных расходах было бы, если страны, находящиеся под угрозой, договорились бы как интегрировать свои военные потенциалы путем вхождения в официальный военный союз. Увеличение числа партнеров – к примеру, включением способностей Сингапура – еще больше уменьшило бы расходы, приходящиеся на каждую из них по отдельности.

Организация договора Юго-Восточной Азии (SEATO) была оборонным альянсом времен Холодной войны, учрежденным для сдерживания регионального наступления коммунизма, в частности китайского,¹⁵ который существовал в период 1954–1977.¹⁶ Основатели SEATO рассматривали его как региональный аналог НАТО, созданный для аналогичных целей и с аналогичными намерениями.¹⁷ Хотя пока он существовал, его сильно критиковали за его неэффективность,¹⁸ при правильном руководстве и правильной координации восстановление SEATO, состоящего из семи членов, упомянутых выше, могло бы стать эффективным сдерживающим фактором для китайской агрессии.

Современный кузен SEATO – это Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN). ASEAN является преобладающе экономической организацией, но она занимается и некоторыми аспектами безопасности и обороны. Устав ASEAN ставит ударение на принципы территориальной целостности, суверенитета и мирного разрешения споров, и возможно, если бы ASEAN вкладывала больше рвения в военные аспекты ассоциации, она могла бы оказаться улучшенным вариантом того, что было военным альянсом SEATO. Официальная ассоциация между нынешними членами ASEAN могла бы стать платформой для начального диалога, направленного на заключение нового договора о взаимной обороне. Такой альянс мог бы объединять усилия стран в регионе, которым угрожает Китай, и блокировал бы агрессивные региональные амбиции Китая.

Северная Корея: непоколебимая решимость вести гражданскую войну?

Северная Корея была агрессивной силой, подрывающей мир в Северо-Восточной Азии в течение более 60 лет. Север не только попытался завладеть Югом в ходе конфликта, который он считал гражданской войной, но Северная Корея часто делает провокационные заявления и последовательно предпринимает враждебные военные действия, которые напоминают Югу об этой экзистенциальной угрозе. Государство-изгой, названное так бывшим Советником по национальной безопас-

¹⁵ Keat Gin Ooi, *Southeast Asia: A Historical Encyclopedia From Angkor Wat to East Timor*, Volume 2 (Santa Barbara, CA: ABC-CLIO Publishing, 2004), 338-339.

¹⁶ Calvin Jilson, *American Government: Political Development and Institutional Change*, 5th ed. (Taylor & Francis, 2009), 439.

¹⁷ Paul S. Boyer, et al., *The Enduring Vision*, concise 6th ed. (New York: Houghton Mifflin Publishing, 2007), 836.

¹⁸ Обзор критики смотри в John K. Franklin, *The Hollow Pact: Pacific Security and the Southeast Asia Treaty Organization* (Fort Worth: ProQuest Publishing, 2006), 1.

ности Соединенных Штатов Энтони Лейком в 1994 году,¹⁹ Северная Корея остается серьезной угрозой для своего южного соседа, как показывает агрессивное позиционирование военных сил для нашествия на Юг, многочисленные случаи убийств северокорейцев, убийств заключенных американцев, периодические военные или террористические нападения против Южной Кореи и выход из Договора о нераспространении ядерного оружия.²⁰ Но Южная Корея не единственное государство, которое находится под угрозой.

Соединенные Штаты имеют военные силы, расположенные в Южной Корее для защиты Юга, а также дополнительные силы в регионе, которые можно использовать для поддержания военных операций в Корее, если разразится конфликт. Северная Корея знает, что при нашествии в 1950 году генерал Дуглас Маккартур проводил союзные операции на базе войск в Японии, до того как на полуостров высадились американские силы. Япония была базой для операций по всему театру военных действий, подобно тому, как Великобритания была базой для западных союзников во время Второй мировой войны. С тех пор Северная Корея приобрела способность наносить удары по силам США в Японии баллистическими ракетами, подобными тем, которые пролетели над этим островным государством в 1998 и 2009. Северная Корея так же поддерживает способность для неконвенциональной войны, которую можно использовать против Японии. Из-за договора об обороне между США и Японией от 1960 года Япония не может удалить военные силы США и таким образом легко освободить себя от угрозы со стороны Северной Кореи, да и не в интересах Японии выйти из этого договора. Силы США дают гарантии Японии не только против угроз со стороны Северной Кореи, но и со стороны Китая и России. Следовательно, Япония сталкивается с угрозой нападения со стороны Северной Кореи, что требует для его предотвращения определенные оборонные способности. Несмотря на давние разногласия и ухудшающиеся в последнее время отношения между Южной Кореей и Японией,²¹ у обоих государств есть общие интересы в сфере обороны и им следует расширить военное сотрудничество между собой. В настоящее время США служат связующим звеном для этих двух государств, поскольку самостоятельно они не желают работать вместе. Южной Корее и Японии следует отложить в сторону свои разногласия перед лицом их общей заинтересованности в противодействии военной угрозы со стороны Северной Кореи.

Определение необходимого уровня оборонных расходов Южной Кореи и Японии в случае создания потенциального альянса между ними более сложно, чем для случаев Восточной Европы и государств Южнокитайского моря. Из-за изоляции от международного сообщества, надежных данных об оборонных расходах

¹⁹ Anthony Lake, "Confronting Backlash States," *Foreign Affairs* 73:2 (March/April 1994).

²⁰ Michael McDevitt, "Deterring North Korean Provocations," *Brookings East Asia Commentary* (February 2011), доступно онлайн на www.brookings.edu/research/papers/2011/02/north-korea-mcdevitt.

²¹ Hayley Channer, "Manufacturing partners: Japan – South Korea security cooperation and Australia's potential role," *ASPI Strategic Insights* 69 (Australian Strategic Policy Institute, March 2014), 2.

Северной Кореи нет.²² Вместо того, чтобы упрощать анализ изучением оборонных расходов, более полезно, но более сложно было бы анализировать другие показатели. Численность личного состава на действительной военной службе в вооруженных силах страны, совершенство преобладающего тяжелого военного оборудования, оценки боеготовности и число ядерных боеприпасов, которыми располагает государство, могут дать грубую обобщенную оценку военных способностей этой страны. Однако, такое исследование все равно является упрощенным обобщением, хотя оно и более детально, чем изучение единственно расходов на оборону.

Северная Корея располагает личным составом на действительной военной службе численностью в 1.206 миллионов.²³ Большинство из многочисленных модификаций ее танков, морских судов и боевых самолетов были разработаны в 1960-х.²⁴ Уровень боеготовности вооруженных сил Северной Кореи средний,²⁵ и предполагается, что она располагает 12 ядерными боеприпасами малой мощности.²⁶ Для сравнения, Южная Корея располагает личным составом на действительной военной службе численностью в 687 000 человек,²⁷ ее тяжелое вооружение было в основном произведено в 1970-х,²⁸ уровень боеготовности низкий²⁹ и у нее

²² SIPRI, Military Expenditures by Country, доступно онлайн на <http://portal.sipri.org/publications/pages/expenditures/country-search>.

²³ James Hackett, ed., *The Military Balance 2010* (London: Routledge Journals for the International Institute for Strategic Studies, 2010).

²⁴ Данные собранные из нескольких источников, в том числе и из Christopher F. Foss, *Jane's Armour and Artillery 2005-2006*, Stephen Sanders, *Jane's Fighting Ships 2002-2003*, и Craig Hoyle, *Flight International* (December 2012).

²⁵ Больше информации о степени боеготовности Северной Кореи смотри в Andrew Scobell and John M. Sanford, *North Korea's Military Threat: Pyongyang's Conventional Forces, Weapons of Mass Destruction, and Ballistic Missiles* (Carlisle: US Army War College, Strategic Studies Institute, April 2007), 60-70. Часть вышеприведенной оценки является субъективной оценкой автора готовности НАСК на основании данных из открытых источников. Такое абстрактное понятие как «готовность» требует суждения для оценки, и оценка способностей основанная только на числах не учитывала бы жизненно важный человеческий фактор. Тем не менее, фактор готовности следует включать в военные способности, чтобы не допустить переоценки способностей «бумажного тигра».

²⁶ David Albright and Christina Walrond, "North Korea's Estimated Stocks of Plutonium and Weapon-Grade Uranium" (Washington, D.C.: Institute for Science and International Security, 16 August 2012), 30.

²⁷ Hackett, *Military Balance*, op. cit., 413-416.

²⁸ Данные из нескольких источников, в том числе и из "K1A1 Main Battle Tank" на <http://army-technology.com>; Eric Wertheim, *The Naval Institute Guide to Combat Fleets of the World: Their Ships, Aircrafts, and Systems*, 15th ed. (Annapolis, MD: Naval Institute Press, 2007); и "Military Aircraft Update: Northrop F-5/T-38," *Aviation Week & Space Technology* (November 2013).

²⁹ Больше информации о недостатке боеготовности Южной Кореи смотри в Gordon Arthur, "South Korean Defence Modernisation," *Asian Military Review* (1 October 2013), доступно онлайн на <http://www.asianmilitaryreview.com/cold-south-korean-defence-modernisation-moves-forward>. Часть приведенной выше оценки является субъективным

нет ядерных оружий.³⁰ Япония располагает личным составом на действительной военной службе численностью в 230 000 человек,³¹ большинство ее тяжелых оружейных систем было введено в 1980-х,³² уровень боеготовности высокий³³ и Япония не располагает никаким ядерным оружием.³⁴

Быстрое сравнение Северной Кореи с объединенными силами Южной Кореи и Японии показывает, что у Северной Кореи есть превосходство над объединенными силами, но не решающее. Численное превосходство Северной Кореи намного меньше, чем необходимое минимальное соотношение 3:1, ее устаревшее оборудование является недостатком и уровень боеготовности недостаточен для изменения баланса в ее пользу. Ядерное превосходство Северной Кореи является существенным преимуществом, но способности ПРО Южной Кореи и Японии в некоторой степени уменьшают эту угрозу. Маловероятно, что Северная Корея может выставить достаточную военную силу, чтобы пойти одной на Южную Корею и очень маловероятно, что она пойдет войной на альянс из двух государств. Кроме того, силы США, дислоцированные в этом регионе, а также те, которые будут усиливать их, если начнется война, и «ядерный зонтик», который обеспечивают силы сдерживания, решительно смещают баланс в пользу Южной Кореи и Японии. При потенциальном уменьшении ресурсов США в регионе, пакт между Южной Кореей и Японией имел бы самостоятельно достаточный потенциал для защиты против Северной Кореи.

На основании этой информации можно считать, что у Северной Кореи превосходство приблизительно 3:1 в целостных военных способностях против одной Южной Кореи, меньше, чем 3:1 для объединенных сил Южной Кореи и Японии, и существенно ниже отношения 3:1 с учетом сил США. Оценка превосходства Северной Кореи 3:1 над Южной Кореей позволяет нам оценить объем оборонных расходов Северной Кореи. Поскольку оборонные расходы Южной Кореи за 2013 год составляли 34 миллиарда долларов США,³⁵ мы можем предположить, что оборонные расходы Северной Кореи находятся на уровне 102 миллиардов. Поэтому для гарантирования уровня уверенности с вероятностью в 80 процентов, что в случае нападения военные цели Северной Кореи не будут достигнуты, в 2013

суждением автора, основанным на данных из открытых источников. Несколько инцидентов раскрыли неспособность Республики Южная Корея быстро реагировать на агрессию, последний из которых – это запоздавшая реакция на обстрел в ноябре 2010 года острова Йонгпюнг в Желтом море.

³⁰ National Public Radio, “Nuclear Capabilities and Potential Around the World” (13 April 23 2010), доступно онлайн на www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=125898396.

³¹ Hackett, *Military Balance*, op. cit., 408–411.

³² Data combined from multiple sources, including “Type 74,” MilitaryFactory.com, “DD-101 Murasame Class” and “F-15J,” GlobalSecurity.org.

³³ Jonathan E. Pettibon, *Capabilities of the Japanese Self-Defense Force and its Impact on United States-Japan Relations*, Master’s thesis (Monterey, CA: Naval Postgraduate School, March 2011), 65.

³⁴ National Public Radio, “Nuclear Capabilities and Potential Around the World,” op. cit.

³⁵ SIPRI, *Military Expenditures by Country*, доступно онлайн на <http://portal.sipri.org/publications/pages/expenditures/country-search>.

году южнокорейский–японский альянс должен был бы коллективно расходовать около 68 миллиардов долларов (полагая, что $y=1$ и $w=1$). В действительности, оба государства в совокупности потратили 82.5 миллиарда долларов, что показывает, что они в состоянии независимо противодействовать угрозе и позволяет им с избытком защитить себя от дополнительных одновременных угроз. С другой стороны, из-за отсутствия в настоящее время военной интеграции, эффективность их оборонных расходов, вероятно, ослабляет их объединенные способности в некоторой степени (поскольку $y < 1$ в большой степени). Даже с учетом этого, потенциальный альянс между Южной Кореей и Японией имеет хорошие шансы на защиту своей территории от военной агрессии Северной Кореи.

Иран: шиитский халифат или новая Персия?

В течение последних десяти лет США и Израиль предупреждали о возросшей опасности со стороны стремящегося к приобретению ядерного оружия Ирана. Причины для того, чтобы Иран стремился к разработке ядерных оружий, могут простираться от его собственной самообороны до намерения уничтожить Израиль. Подпитываемые предположениями, что иранская дивизия «Кодс» вмешивалась в конфликты в Ираке, Сирии и Бахрейне для инициирования нестабильности,³⁶ страны в этом регионе все больше опасаются более могущественного Ирана. Бывший государственный секретарь США Хиллари Клинтон высказывала гипотезу, что у Ирана есть амбиции регионального гегемона.³⁷ Иран может видеть себя в качестве регионального гегемона, воплощая бывшее величие Персидской империи, или рассматривая себя как фокус шиитской теологии. Однако, никто не будет оспаривать, что вооруженный ядерным оружием Иран утвердит себя как силу, с которой придется считаться, располагая способностью предотвратить военное нападение со стороны единственного соседа, ... возможно, даже являясь достаточно могущественным, чтобы бросить вызов сверхсиле. Располагая ядерным оружием в качестве «туза в рукаве», Иран мог бы реализовать свою угрозу закрыть Ормузский пролив³⁸ и прервать поток нефти из Персидского залива, не опасаясь наказания. По этим причинам, а так же из-за других возможных мотивов, как например, ревность соперничающих государств, которые тоже стремятся к региональному лидерству, страны Ближнего Востока неоднократно высказывали свою заинтересованность в противодействии возрастанию могущества Ирана. Действительно, бывший министр обороны Уильям Коэн заявлял, что преобладающее настроение в Персидском заливе – это в большей степени боязнь Ирана, чем

³⁶ Dennis Ross, “Next test for Obama: Soothing the Saudis,” *Los Angeles Times*, 24 March 2014, доступно на <http://articles.latimes.com/2014/mar/24/opinion/la-oe-ross-saudi-arabia-obama-20140325>.

³⁷ Secretary of State Hillary Clinton’s remarks at the Joint Discussion with Israeli President Shimon Peres, hosted by the Brookings Institution, 12 June 2012, доступно на www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/06/192200.htm.

³⁸ Больше в Caitlin Talmadge, “Closing Time: Assessing the Iranian Threat to the Strait of Hormuz,” *International Security* 33:1 (Summer 2008): 82–117.

Израиля.³⁹ Однако, рассмотрение оборонных расходов в этом регионе показывает, что эта угроза преувеличена. Иран не является совсем той угрозой, о которой бьют тревогу паникеры.

Для гарантирования определенного уровня уверенности, что они смогут противостоять успешно потенциальной региональной агрессии Ирана, страны Персидского залива должны в совокупности покрывать не менее одной трети оборонных расходов Ирана. С 2007 по 2012 год Иран расходовал на оборону в среднем 7.76 миллиарда долларов США в год.⁴⁰ С другой стороны, Саудовская Аравия как страна, которая тратит наибольшую в мире часть своего ВВП на оборону, за тот же период в среднем расходовали 44.24 миллиарда долларов в год.⁴¹ Если оборонные расходы являются хорошим показателем, то больше следовало бы беспокоиться Ирану насчет Саудовской агрессии, чем наоборот. Иран расходует меньше одной трети расходов Саудовской Аравии на оборону. Другие страны Персидского залива, которым потенциально угрожает Иран, в том числе Оман, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Бахрейн и Кувейт коллективно в среднем тратили 5.4 миллиарда в год за тот же период.⁴² В настоящее время, при хорошей координации, даже без Саудовской Аравией, эти государства имели бы более чем 80 процентный шанс помешать достижению военных целей Ирана в случае нападения. И снова однако, каждая страна должна быть озабочена целостным военным потенциалом, а не совокупными расходами. Хотя у Ирана превосходство в численности его вооруженных сил, он не располагает желательным минимальным соотношением 3:1 боевых способностей, необходимым для нападения.⁴³ Более детальный анализ мог бы, вероятно, показать отсутствие определенных способностей в странах Ближнего Востока, но даже если и так, эти слабости можно преодолеть путем изменения структуры военных расходов, которое корригирует недостатки, а не за счет компенсации объема расходов в сравнении с военной угрозой, которая сильнее их самих. Без ядерного оружия у Ирана нет никаких специальных преимуществ, которые делали бы его доминирующей силой в этом регионе. Боязнь конвенциональной иранской военной гегемонии на Ближнем Востоке не имеет оснований. Кроме того, оппозиция Израилю дополнительно уменьшает потенциал иранского доминирования, хотя непредсказуемый игрок как Ирак может придать дополнительный вес каждой из сторон или даже обеим в одно и то же время.

Гипотетически, если Иран станет более серьезной угрозой для своих соседей, большей чем потенциально он собой сейчас представляет, страны Персидского залива могли бы заключить договор о взаимной обороне, базирующемся на Со-

³⁹ Nicholas Kralev, "Cohen: Middle East fearful of Iran," *The Washington Times*, 29 July 2009, доступно на <http://www.washingtontimes.com/news/2009/jul/29/cohen-says-fear-of-iran-now-tops-wrath-against-isr>.

⁴⁰ SIPRI, Military Expenditures by Country, доступно на <http://portal.sipri.org/publications/pages/expenditures/country-search>.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Насчет количественного сравнения смотри Hackett, *Military Balance*, op. cit., 187.

вете сотрудничества арабских стран Персидского залива (ССЗ). Как и предыдущее предложение расширить функции ASEAN от экономической ассоциации до оборонительного пакта для Юго-Восточной Азии, ССЗ располагает потенциалом для военного сотрудничества, как сделал это ЕС. И действительно, объединенные силы стран Залива «Щит полуострова» были созданы для целей коллективной обороны и продолжают наращивать свои совместные военные командные способности.⁴⁴ Это показывает потенциал готовности этих стран сотрудничать в интересах коллективной обороны для предотвращения иранской агрессии в регионе.

И последнее, если государства Персидского залива действительно видят необходимость затормаживать потенциал Ирана наносить вред, тогда невоенное решение об окончании строительства нового трансарабского трубопровода от Персидского залива до портов Красного или Средиземного моря может оказаться подходящим решением. Таким образом будет обойдена необходимость в таком большом трафике через Ормузский пролив и обессилена угроза Ирана прервать его. В любом случае, военная угроза со стороны Ирана в регионе сильно преувеличена.

Роль Соединенных Штатов и других глобальных сил

В настоящее время Соединенные Штаты являются единственной сверхсилой в мире, располагающей способностью проецировать конвенциональную военную силу по всему миру с достаточной мощью, чтобы побеждать большие несоседние государства. Единственная суперсила имеет эгоистический интерес сохранять свое положение и глобальное *статус-кво*, поскольку оставаться самым могущественным государством им наиболее выгодно. Есть еще несколько глобальных сил, которые могут проецировать конвенциональную военную силу для достижения более ограниченных военных целей по всему свету. Поскольку они тоже являются могущественными государствами, в их интересах тоже сохранять *статус-кво*. Конфликт на Фолклендских островах для Объединенного Королевства, операции Франции в Северной Африке и участие обоих государств в Войне в Заливе показали их способность иметь доступ к любой точке мира. Поскольку эти три государства проводят согласованную политику и имеют много общих интересов, они скорее будут действовать в союзе, чем мешать друг другу. К счастью, эта система глобальных сил способствует либерализму и свободе, тогда как, к сожалению, множество потенциально враждебных региональных сил демонстрирует тенденцию к репрессиям и диктатуре. Глобальные силы играют важную роль при выработке стратегии для противодействия враждебным региональным силам. Они должны поддерживать региональные альянсы, препятствовать формированию альянсов неприятельских сил и поддерживать военные способности, которые рав-

⁴⁴ Kuna and Defense News, "Gulf Nations Announce Joint Military Command," *Atlantic Council*, 13 December 2013, доступно на www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/gulf-nations-announce-joint-military-command.

ны как минимум двум третям способностей их единственного наибольшего потенциального противника для того, чтобы сохранить *статус-кво*.

Глобальные силы могут играть важную роль в поддержании региональных альянсов как минимум тремя способами:

1. Поддерживая формирование альянсов при их создании,
2. Обеспечивая альянсу способности, которыми располагают только глобальные силы, или
3. Напрямую предоставляя военную силу в случае необходимости.

Прежде всего региональные агрессоры могут попытаться разрушить региональные альянсы на этапе их формирования для того, чтобы сохранить превосходство. К примеру, нынешние беспорядки в Украине были поддержаны Россией, в некоторой степени, из страха того, что Украина переориентируется к Западу. Если бы Украина более решительно повернулась бы к Западу, не просто рассматривала бы возможность вступить в ЕС, а в открытую заявила бы о желании присоединиться к НАТО, действия России могли быть еще более решительными. Россия могла бы эскалировать ситуацию, прекратив подачу газа Украине, от которой страна так отчаянно зависит. К сожалению, страны Восточной Европы в настоящее время не едины в коллективном подходе противодействия России, в основном из-за их зависимости от российских ресурсов.⁴⁵ Однако, экономическая зависимость – это улица с двусторонним движением. Россия зависит от своих европейских клиентов и наоборот.⁴⁶ Если путем наложения санкций глобальные силы смогут помешать способности России найти замещающих клиентов на случай приостановления экспорта в Восточную Европу, Россия потеряет возможность ослаблять и разделять Европу.⁴⁷ Это один из способов, которыми глобальная сила может помешать враждебной региональной силе срывать попытки формирования региональных альянсов. Кроме того, глобальные силы должны защищать формирование региональных альянсов, оказывая давление на агрессора, мешая ему напасть и таким образом обеспечивая новому альянсу время на учреждение и укрепление. Представьте себе, какой могла быть реакция России, если вдоль ее границ формировался бы новый альянс, который позволил бы странам, находящимся под угрозой ее нападения, не бояться запугивания. Россия испытывала бы соблазн каким-то образом разрушить этот союз. У глобальных сил есть набор инструментов для такой цели – экономические санкции, дипломатическая и политическая изоляция, информационные кампании, направленные на разжигание внутреннего инакомыслия, или, даже в некоторой степени, и военные действия.

⁴⁵ “New Europe Is As Divided About Russia As Old Europe And That’s Bad For Everyone,” *The Economist*, 18 May 2014, доступно на www.businessinsider.com/new-europe-still-divided-about-russia-2014-5.

⁴⁶ “Conscious Uncoupling: Reducing Europe’s dependence on Russian gas is possible – but it will take time, money and sustained political will,” *The Economist*, 5 April 2014, доступно на www.economist.com/news/briefing/21600111-reducing-europes-dependence-russian-gas-possible-but-it-will-take-time-money-and-sustained.

⁴⁷ Там же.

Во-вторых, глобальные силы могут предоставлять уникальные способности, которые соответствуют их статусу глобальных сил. К примеру, такие военные способности как средства электронной войны, бортовые РЛС и раннее предупреждение, космическая разведывательная информация, транспорт по всему театру военных действий, широкомасштабное логистическое обеспечение, противоракетная оборона или способности для ядерного сдерживания с большей вероятностью есть у сил с глобальным доступом, чем у региональных сил. Эти факторы могут существенно увеличить целостные военные способности союза и, если глобальная сила предложит предоставление таких способностей, это будет выгодно обеим сторонам. Нечто подобное в последнее время имело место во время операции НАТО в Ливии. США атаковали крылатыми ракетами и обеспечивали воздушную поддержку другим государствам, которые в свою очередь обеспечивали перевес в боевых действиях.⁴⁸ Обеспечивая необходимые условия, США предоставляли ресурсы для гарантирования максимального успеха операции, при этом избегая развертывания больших своих сил.

В-третьих, глобальные силы могут изменить региональный баланс, если военные способности альянса недостаточны для уравнивания противниковой угрозы. Если данный альянс не инвестировал адекватно в свои собственные способности, или если развитие ситуации изменило локальный баланс сил неожиданным образом, у глобальной силы есть возможность вмешаться и склонить весы в пользу стороны, которую она предпочитает. Это может иметь место до конфликта для усиления сдерживания, или во время конфликта для улучшения шансов на желательный исход. Теоретически, это так же позволяет оборонительный союз превратить в наступательный для изменения *статус-кво*. В любом случае, глобальная сила должна сделать так, чтобы члены данного альянса вносили свою долю в обеспечение своей безопасности, а не поощряла бы бесплатный проезд, ограничивая уверенность альянса, что глобальная сила спасет их несмотря на отсутствие у них готовности защищать себя самостоятельно. Страны, которые входят в альянс, должны быть достаточно ответственны для того, чтобы предпринять защитные меры предварительно.

Критически важным стратегическим императивом глобальных сил является подрыв возможности формирования альянса среди и между враждебными им региональными силами. Хотя враждебные региональные силы могут пытаться помешать формированию альянсов, направленных против них, формирование собственных альянсов тоже соответствует правилам честной игры. Такой альянс может объединять силы в попытке изменить *статус-кво*. Президент Джордж У. Буш как-то упомянул «Ось зла», состоящую из Ирака, Ирана и Северной Кореи, и подобный альянс был бы худшим сценарием для глобальных сил. К счастью, такая «Ось зла» несколько преувеличена, поскольку это собрание государств-изгоев первых, не располагает достаточно большим совокупным потенциалом, а так же

⁴⁸ Jean-Michel Guhl, "Strike Operations over Libya: A True Success for France and Britain," *Defence Review Asia*, 6 September 2011, доступно онлайн на www.defencereviewasia.com/articles/119/Strike-Operations-over-Libya-a-true-success-for-France-and-Britain.

отношения между ними не настолько хороши, чтобы они публично заявили о готовности осуществлять коллективную оборону. Соединенные Штаты и другие глобальные силы должны работать для предотвращения альянса между Россией, Китаем, Северной Кореей и Ираном. Если эти силы объединятся, они составят потенциальную силу, которая может ввергнуть в хаос евразийский континент и не только. В этом ряду рассуждений Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС) и Организация Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ) являются примерами образований, которые могут консолидироваться и расширяться до состояния более опасного альянса из потенциально неприятельских сил.

Глобальные силы должны умело использовать сочетание дипломатических, информационных, военных и экономических инструментов для поддержания разделения между этими потенциально враждебными им государствами. В идеальном случае, глобальные силы могли бы привлечь одну из этих региональных сил в свой лагерь, чтобы еще больше распылить их совокупный потенциал для создания проблем. Россия демонстрирует такую склонность сильнее, чем другие потенциально враждебные государства. В переговорах об уничтожении запасов химического оружия Сирии, позволяя США использовать свою территорию в качестве логистической линии снабжения для военных операций в Афганистане и участвуя в многонациональном сотрудничестве от борьбы с терроризмом до исследования Космоса, Россия демонстрирует потенциал иметь выгоду от изменения текущего мирового порядка.

В этом плане Китай так же показывает некоторые проблески надежды. В нескольких случаях Китай пытался сдерживать Северную Корею в ее воинственной риторике и воинственных действиях. Однако, эти усилия были весьма скромными и имели незначительный результат. Кроме того, Китай не показывает желания искать компромиссы по спорным экономическим вопросам, по вопросам преступной кибердеятельности или по территориальным претензиям в Южнокитайском море, что делает его потенциально непримиримым противником существующего международного порядка.

Предполагая, что невозможно никакое сочетание неприятельских региональных сил или одновременные агрессивные действия, глобальные силы, защищающие статус-кво, должны инвестировать в военные способности, которые соответствовали бы как минимум двум третям способностей самой большой непарированной угрожающей им силе, или минимум двум третям способностей самой большой угрожающей им силе, остающимся после вычитания способностей, которые парируются союзниками, причем берется большее число из двух. Реализация военного потенциала, соизмеримого с этими числами, даст 80 процентный шанс на срыв достижения военных целей регионального агрессора при ожидаемых собственных потерях на уровне 6 процентов.⁴⁹ Это даст глобальной силе способность помешать самому сильному своему противнику достичь своих военных целей, таким образом гарантируя странам, которые находятся под угрозой напа-

⁴⁹ National Research Council, *Improved Operational Testing and Evaluation*, op. cit., 105–108. См. заметку 5.

дения, что они могут сформировать альянс под защитным зонтиком глобальной силы. Математическая формула, представляющая это, выглядит так:

$$(2/3)T - Ayw \leq Gzx$$

где:

- T ожидаемые оборонные расходы недружественной силы
- A совокупные оборонные расходы союзных государств, противостоящие недружественной силе T
- y коэффициент потерь эффективности расходов в альянсе A
- w отношение эффективности расходов альянса к эффективности расходов недружественной силы T
- G оборонные расходы глобальной силы
- z коэффициент потерь эффективности расходов между глобальной силой G и альянса A , и
- x отношение эффективности расходов глобальной силы к эффективности расходов недружественной силы T .

Решив уравнение относительно величины G , определяем предполагаемые оборонные расходы глобальной силы:

$$G \geq 2T/3zx - Ay/zx$$

Конечно, дальнейшее увеличение шансов на успех, уменьшение ожидаемого уровня потерь, развитие способности одновременно противостоять нескольким противникам потребует реализации еще большего военного потенциала.

В качестве практического примера мы можем рассмотреть случай Китая и Соединенных Штатов, поскольку Китай имеет самый большой оборонный бюджет из потенциальных враждебных региональных сил даже после вычитания всего оборонного бюджета Японии, так как Япония является единственным официальным союзником США, чьи региональные интересы противоположны китайским. Оборонные расходы Китая за 2013 год составили 188 миллиардов долларов США.⁵⁰ Расходы Японии на оборону составили 48.6 миллиарда долларов.⁵¹ Для переменной z мы принимаем значение 0.8. Это означает 20 процентов потерь эффективности создания военных способностей при коллективных оборонных расходах Японии и США. Переменная y будет равна 1, поскольку нет никакого другого альянса, который надо учитывать на данный момент, и принимаем, что w равно 1, предполагая равную эффективность оборонных расходов Китая и Японии. Мы будем предполагать, что x равно 0.95, поскольку несмотря на множество качественных преимуществ вооруженных сил, в этом сценарии США придется действовать при растянутых линиях коммуникаций, что учитывается 5 процен-

⁵⁰ SIPRI, Military Expenditures by Country, доступно онлайн на <http://portal.sipri.org/publications/pages/expenditures/country-search>.

⁵¹ Там же.

тами потерь при превращении расходов в военные способности. Таким образом, стремясь к тому, чтобы помешать с вероятностью в 80 процентов Китаю достичь своих военных целей и с учетом помощи Японии, США следует располагать минимальным военным бюджетом в объеме 101 миллиарда долларов. Конечно, в этом бюджете ударение должно быть поставлено на обеспечение военных способностей, которые Японии самостоятельно обеспечить будет затруднительно.

Минимальный необходимый бюджет на оборону США в 101 миллиард долларов за 2013 год был бы гораздо меньше, чем те 640 миллиардов, которые в действительности были потрачены.⁵² Однако, такой бюджет существенно изменил бы стратегию обороны США, принимая, что:

1. США будут ангажированы только одной враждебной региональной силой в любой момент.
2. США просто будут стремиться к сохранению *статус-кво* и не будут пытаться изменить положение в международных делах.
3. Предположения, что переменные $y = 1$, $w = 1$, $u = 0.95$ и $z = 0.8$ будут действительны.
4. Композиция военных способностей, необходимых для отражения китайской агрессии, будет обеспечиваться на минимальном уровне потенциала, необходимого для поражения региональных агрессоров.

Степень, в которой каждое из этих предположений может быть ошибочным, в какой-то мере увеличивает уровень погрешности.

Желание поддерживать международное *статус-кво* является более ограниченной целью, чем те, которые описаны в стратегии национальной безопасности США в прошлом. С 1990-х по 2012 год США стремились к способности одновременно нанести поражение двум региональным агрессорам.⁵³ Желательным результатом данной стратегии было смещение режима агрессора в ходе ее реализации, как то планировалось для Ирака в Войне в заливе и как действительно было сделано в 2003 году. Это требует изменения *статус-кво* путем изменения существующего мирового порядка и обеспечения наступательных военных способностей, превышающих потенциал, необходимый для того, чтобы просто не позволить агрессору достичь своих целей. Согласно исследованиям, превосходство в отношении 3:1 обеспечивает 50 процентов шансов на успех в наступательных операциях, а для повышения вероятности успеха до 80 процентов необходимо от-

⁵² Там же.

⁵³ Daniel Goure, *The Measure of a Superpower: A Two Major Regional Contingency Military for the 21st Century*, Special Report No. 128 on National Security and Defense (Washington D.C: The Heritage Foundation, 25 January 2013), доступно онлайн на www.heritage.org/research/reports/2013/01/the-measure-of-superpower-a-two-major-regional-contingency-military-for-21-century. See also the 1997 U.S. Quadrennial Defense Review (QDR), Section III: Defense Strategy, sub-section "Fighting and Winning Major Theater Wars."

ношение 6:1.⁵⁴ Тогда формула, при которой обеспечивается уровень уверенности в успехе в 80 процентов, получает вид:

$$6T - Awy \leq Gzx$$

Для целей этого анализа будем рассматривать сочетание двух наиболее вероятных враждебных сил из четырех указанных выше и рассматривать США как глобальную силу, которая хочет их победить. Следовательно, если готовиться к участию в двух одновременных конфликтах для победы над Северной Кореей и Ираном,⁵⁵ полагая, что единственными союзниками против Северной Кореи будут Япония и Южная Корея, принимая, что есть совершенная координация в программе расходов между США, Японией и Южной Кореей ($w=1, y=1, z=1, u=1$), и что никакие способности не будут использоваться одновременно в обоих конфликтах, США пришлось бы израсходовать в 2013 году приблизительно 637 миллиардов долларов для обеспечения шансов на успех на уровне 80 процентов.⁵⁶ Это удивительно близко к 640 миллиардам, которые США действительно потратили,⁵⁷ эти деньги должны были бы дать больший потенциал, чем объявленная в 2012 году стратегия, согласно которой США должны быть в состоянии обеспечить победу в одном конфликте и одновременно с этим во втором просто не позволить противнику реализовать свои военные цели.⁵⁸ Поэтому, если коэффициенты и предположения верны, вероятно, в 2013 году США израсходовали больше денег, чем необходимо для достижения целей национальной обороны.

Следовательно, если в 2013 году просто был финансируван минимальный уровень в 101 миллиард долларов, как предложено здесь, и цель глобальной силы была бы ограничена до того, чтобы просто не позволить наиболее сильной потенциально враждебной региональной силе реализовать свои военные цели, США могли бы уменьшить свой оборонный бюджет на 84 процента и сэкономили бы 536 миллиардов только в 2013 году. Если бы США стремились просто к способности сохранять международное статус-кво и рассчитывали на своих союзников для дополнительных способностей, а не пытались поддерживать независимые способности для изменения международного порядка, оборонный бюджет США мог бы быть гораздо меньшим. Это не означает, что для США было бы выгоднее всего ограничивать себя до такой стратегии. Однако, она может служить примером того, как установить минимальный уровень, который гарантировал бы, что оборонные расходы глобальной силы будут адекватны необходимости отвечать конвенциональным вызовам. Наибольшим недостатком такой стратегии было бы

⁵⁴ National Research Council, *Improved Operational Testing and Evaluation*, op. cit., 105–108. Смотри заметку 5.

⁵⁵ Как предложено Goure, “The Measure of a Superpower,” op. cit.

⁵⁶ Не располагая точными данными об оборонных расходах Северной Кореи, автор предположил, что ее военные способности в 3 раза выше способностей Южной Кореи и вычислил, что в 2013 году расходы Севера были эквивалентны 102 миллиардам долларам.

⁵⁷ SIPRI, *Military Expenditures by Country*, доступно онлайн на <http://portal.sipri.org/publications/pages/expenditures/country-search>.

⁵⁸ Goure, “The Measure of a Superpower,” там же.

то, что США лишились бы способности одновременно нанести поражение двум более маленьким региональным агрессорам. И опять же, если бы США уменьшили оборонные расходы до минимального уровня, необходимого для противостояния региональным угрозам, это высвободило бы больше финансов на борьбу с транснациональным терроризмом, что напрямую затрагивает национальные интересы США в сфере обороны.

Кроме того, альянс между глобальными силами мог бы еще больше уменьшить расходы, необходимые для поддержания региональных альянсов. В таком случае, объединенные глобальные силы могли бы сформировать альянс, который заменил бы член G в вышеприведенных формулах величиной A_1w_1 , где:

- A_1 – совокупные оборонные расходы глобальных союзников, противостоящие недружественной силе T , и
- w_1 – коэффициент глобального альянса для эффективности расходов в сравнении с эффективностью расходов агрессора T .

Обсуждаемые выше формулы являются полезным инструментом для вычисления минимальных оборонных расходов государства. Изменяя формулы в зависимости от целей субъекта и учитывая желательные шансы на успех, их можно использовать, чтобы вывести ожидаемый уровень оборонных расходов, необходимых для реализации национальных целей. В приведенной ниже таблице показаны несколько гипотетических целей национальной обороны и указаны минимальные бюджеты, которые нужны альянсу для достижения соответствующих военных целей (полагая, что $y=w=z=u=1$). Чтобы протестировать эту теорию дальше, мы исследуем Первую Мировую Войну и Холодную Войну, чтобы рассмотреть как оборонные расходы и военные способности играли роль в желании каждой из сторон сохранить или изменить *статус-кво*.

	Победа 1	Победа 2 (одновремененно)	Нереализация целей 1	Нереализация целей 2 (одновремененно)	2013 Необходимые расходы ⁵⁹	
					уверенность 50%	80%
Альянс 1	--	--	Россия	--	30.25	60.5
Альянс 2	--	--	Китай	--	55.4	110.7
Альянс 3	Северная Корея	Иран	--	--	329.3	658.6
Альянс 4	Иран	--	Северная Корея	--	71.8	143.6
Альянс 5	--	--	Россия	Китай	85.7	171.4
Альянс 6	Китай	--	--	--	498.3	996.6
Альянс 7	--	--	Соединенные Штаты	--	213.3	426.7

⁵⁹ Цифры в миллиардах долларов США.

Провалившийся баланс сил, предшествовавший Первой Мировой Войне

В 2014 году отмечается столетие с начала Первой Мировой Войны, и это *à propos* подходящий повод для извлечения уроков из ее причин и последствий для того, чтобы предотвратить подобные катастрофы в будущем. Прелюдия к Первой Мировой Войне хорошо задокументирована. Сложные, иногда тайные альянсы связывали силы в Европе, как цепь привязывает ядро к ноге заключенного. Если ядро упадет со скалы, вся цепь упадет вместе с ним. Основные противники были разделены на две одинаково сильные стороны, называемые Центральными державами и Антантой. Однако, Центральные державы, первыми объявив войну, были стороной, которая хотела изменить *статус-кво*, тогда как Антанта хотела сохранить международный порядок, защищая территориальную целостность своих членов. Когда государство или альянс может противопоставить военным способностям агрессора достаточно своих военных способностей, это улучшает его шансы на то, что он помешает агрессору достичь своих целей и таким образом сохранит *статус-кво*. Антанта инвестировала в свой военный потенциал достаточно средств для того, чтобы блокировать своих противников в ходе войны, а Центральные державы не успели обеспечить предварительно достаточный потенциал для того, чтобы изменить международную систему, победив объединенные силы своих противников. Несмотря на неспособность Центральных держав реализовать желаемое ими изменение международной системы, этот пример так же показывает, что наличие у обороняющихся достаточного потенциала для того, чтобы помешать противнику добиться выполнения своих целей, может быть недостаточным для того, чтобы вынудить потенциального агрессора воздержаться от нападения.

В 1913 году союз Центральных держав официально получил название Тройственный союз и состоял из Германии, Австро-Венгрии и Италии. На другой стороне была Тройная Антанта (Антанта), которая включала Объединенное Королевство, Францию и Россию. Первой объявила войну Австро-Венгрия в 1914 году, начав военные действия против Сербии. В ответ Россия начала мобилизацию своих сил, готовясь защитить своих сербских союзников. Это стало поводом для Германии объявить войну России, а Объединенное Королевство и Франция последовали ее примеру, соблюдая свои обязанности по соглашению об Антанте. Подходя осторожно к *carte blanche* обязанностям, Объединенное Королевство рассматривало возможность выйти из конфликта, пока он разгорался, но после нашествия Германии в Бельгию, Объединенное Королевство решило, что в его интересах лучше вмешаться.⁶⁰ Поскольку Италия намеревалась принимать участие в войне только в оборонительном плане, она вышла из Тройственного союза, но была заменена Оттоманской империей, которая хотела вернуть себе территории, в прошлом перешедшие к России, и сохранить свои связи с Германией. Ве-

⁶⁰ David Fromkin, *Europe's Last Summer: Who Started the Great War of 1914?* (New York: Random House, 2005), 279-280.

ликие силы увязли в большой войне, так как их сеть альянсов втягивала каждое государство в этот жестокий конфликт.

Совокупные оборонные расходы Тройственного союза в 1913 году составляли 972 миллиона долларов США по стоимости за 2014 год, а совокупные оборонные расходы Антанты составляли 1181 миллион долларов.⁶¹ Хотя военный потенциал Антанты должен был превосходить потенциал Тройственного союза, Германия считала, что у нее есть преимущество при мобилизации и маневре ее наземных сил, в частности против России.⁶² Так же, Германия и Австро-Венгрия чувствовали, что время работает не на них при существующем *статус-кво*.⁶³ Германия ожидала, что изменение континентального баланса сил в будущем будет еще более неблагоприятным для них и поэтому решила, что Австро-Венгрии следует попытаться сделать дерзкий, быстрый ход в Сербии, чтобы обратить инерцию в свою пользу.⁶⁴ Однако они просчитались, рассчитывая, что Антанта не среагирует вовремя.⁶⁵ Возможно, Германия и Австро-Венгрия ожидали, что присоединение других союзников склонит баланс сил в их пользу, как когда Османская империя присоединилась к Центральным державам, но объявление нейтралитета Италией в начале войны принесло альянсу больше потерь, чем присоединение Османской империи принесло выгод. Оборонные расходы Османской империи в 1913 году составляли 73 миллиона долларов, тогда как расходы Италии составляли 193 миллиона.⁶⁶

Объемы оборонных расходов каждой из сторон были настолько близки, что каждый из альянсов имел расходы, которые были больше, чем две трети от расходов другого. Это гарантировало, что каждая из сторон могла рассчитывать на 80 процентный шанс на военный успех в том, что не позволит своему противнику добиться своих военных целей и защитить *статус-кво* от возможных попыток другой стороны изменить ситуацию. После нескольких лет боевых действий, которые привели к безысходному положению с ужасающим числом человеческих потерь, военные операции не дали никакого решительного результата. Однако, Антанта по существу сохранила *статус-кво* на континенте. В действительности, поскольку перед началом войны Антанта располагала превосходством в военных расходах над совокупными военными расходами Тройственного союза в отноше-

⁶¹ Erik Sass, "WWI Centennial: The Arms Race Shifts into High Gear," *MentalFloss.com*, 6 March 2013, доступно онлайн на <http://mentalfloss.com/article/49253/wwi-centennial-arms-race-shifts-high-gear>.

⁶² Германия считала, что Франции потребуются две недели для мобилизации и подготовки нападения на Германию, тогда как России понадобится бы шесть недель. Из Barbara Tuchman, *The Guns of August* (New York: Macmillan, 1962), 19.

⁶³ Fromkin, *Europe's Last Summer*, op. cit., 94–97, 158.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

нии 4:3,⁶⁷ у Антанты был больший, чем 90 процентов шанс не позволить Центральным державам реализовать свои военные цели.⁶⁸

Полагая, что они располагают тактическими и оперативными преимуществами для победы над противостоящим альянсом, но время работает не в их пользу, Центральные державы поддались искушению нанести опустошительный начальный удар с тем, чтобы быстро добиться победы. Это стало поводом для того, чтобы Центральные державы начали войну, нарушив систему сдерживания между великими силами. Хотя сдерживание не сработало, военный потенциал каждой из сторон в конечном счете привел к тому, что никто не был в состоянии навязать свою волю другой стороне с помощью военной силы. В смысле военных результатов, примерно одинаковые уровни военных расходов и военных потенциалов привели к тому, что к концу войны не произошли существенные перемены в балансе сил. Однако, поскольку Центральные державы провалились в попытке изменить *статус-кво* с помощью вооруженной силы, они проиграли войну политически, и новый международный порядок изменил положение вещей не в их пользу.

Один из важных уроков Первой Мировой Войны состоит в том, что надо быть осторожным в отношении переплетающихся альянсов, поскольку при принятии на себя обязательства защищать партнера, обязательство партнера защищать третью сторону на практике втягивает все три государства в один потенциальный конфликт. Если отсутствует соглашение между всеми сторонами, очень вероятно, что один из двух первоначальных двух попытается избежать участия в конфликте из-за третьей стороны, с которой у него нет предварительного соглашения. Статья 1 Североатлантического Договора НАТО, которая гласит, что члены «должны улаживать любой международный спор [...] таким образом, чтобы международный мир, безопасность и справедливость не подвергались опасности»,⁶⁹ в сочетании со Статьей 8, которая гласит, что каждый из союзников обязан не входить «в какие бы то ни было международные договоренности, противоречащие этому договору»,⁷⁰ отражает именно эту озабоченность в отношении современного европейского альянса. Это дает уверенность странам-членам, что агрессивный союзник не втянет остальных в войну, поскольку это было бы нарушением положений этого договора. Однако, это не предотвращает ситуации, в которой член организации может втянуть остальных в войну, если он подвергнется нападению в результате защиты третьей стороны, являющейся частью другого конфликта.⁷¹ По-

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ National Research Council, *Improved Operational Testing and Evaluation*, op. cit., 105–108. Cf. note 5.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ North Atlantic Treaty Organization, “The North Atlantic Treaty” (Washington D.C., 4 April 1949), доступно онлайн на http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm.

⁷¹ Статья 5 Североатлантического договора гласит, что «вооруженное нападение против одной страны ... в Европе или в Северной Америке будет считаться нападением против всех» без уточнения, какая из сторон инициировала конфликт, и без запрещения оборонительных соглашений с третьими сторонами.

добную озабоченность испытывает Япония по поводу ее договора с Соединенными Штатами, а именно, что если силы США, расположенные в Японии, нападут на третью сторону, последовавшее контрнападение против сооружений США в Японии может втянуть страну в войну, в которой она не заинтересована. Поэтому Япония добилась соглашения с США, которое требует от США консультироваться с Японией, прежде чем использовать свои базы для боевых операций вне Японии.⁷² Для альянсов и глобальных сил было бы проявлением здравого смысла заключить подобные договоренности со своими партнерами в качестве предохранительной меры против втягивания в подобные осложнения.

Продолжаются дебаты между историками и политологами о том, отложило ли или ускорило начало неизбежной войны равновесие сил в Европе накануне Первой Мировой Войны. Хотя некоторые предполагают, что международные системы более устойчивы, когда есть равномерный баланс военных сил, другие считают, что международная система более стабильна, когда есть четко выраженное превосходство,⁷³ Первая Мировая Война дает нам пример, когда существование одинаково сильных альянсов привело к катастрофальным результатам. Реальность состоит в том, что нет четкого рецепта для долгосрочного мира, независимо от того, существует ли баланс сил или одна из сторон имеет превосходство. Неизбежность непредвиденных событий делает сохранение мира так же ненадежным, как биржевые прогнозы.

Успех сдерживания во время Холодной войны

Холодная война была длительным периодом напряжения между основными мировыми силами, который привел к гонке вооружений, подобной той, что имела место в годы, предшествовавшие Первой Мировой Войне. К счастью, в отличие от Первой Мировой Войны, война между основными силами так и не началась. Ни одна из сторон не поддавалась искушению напасть быстро на другую, чтобы воспользоваться преимуществом первого удара. Вместо этого конфликт характеризовался серией малых конфликтов, прокси-войнами и попытками подрывной деятельности даже в сферах влияния друг друга. Баланс сил и уровни оборонных расходов между Соединенными Штатами и Советским Союзом были приблизительно одинаковыми, как и между соответствующими альянсами НАТО и Варшавского договора. Обе стороны могли помешать реализации военных целей, направленных на изменение *статус-кво*, ни одна из сторон не могла эффективно его изменить, и в результате ни одна из сторон не попыталась напрямую напасть на другую.

В периоде 1967-1989 оборонные расходы США составляли в среднем 232.6 миллиарда долларов в год, Советского Союза – 232.7 миллиарда.⁷⁴ Просто удиви-

⁷² John K. Emmerson, "Japan: Eye on 1970," *Foreign Affairs* 47:2 (January 1969): IV/6.

⁷³ Смотри Doru Tsaganea, "Tension reduction by military power equalization: The USA-USSR case," *Kybernetes* 40:5/6 (2011): 778–788.

⁷⁴ Там же, 783. Данные выражены в долларах США за 1983 год. Средние значения вычислены автором.

тельно, насколько одинаковыми были оборонные расходы этих двух государств. С 1976 по 1986 год союзники по НАТО и по Варшавскому договору тратили соответственно в среднем 322 и 280 миллиардов долларов в год.⁷⁵ У НАТО было превосходство в расходах, но Варшавский договор поддерживал отношение в оборонных расходах немногим больше, чем в 2:3, что напрямую превращалось в военный потенциал, обеспечивающий 80 процентов вероятности не позволить НАТО достижения его военных целей в случае нападения. Кроме того, у Советского Союза было серьезное преимущество в отношении внутренних линий коммуникации на случай виртуального и гипотетического конфликта с Соединенными Штатами, что увеличивало его относительный военный потенциал. Так же Варшавский договор был лучше интегрированным альянсом, поскольку его системы и организации были производными советских вооруженных сил, тогда как страны НАТО часто развивали свое собственное оборудование и оперативные методы.⁷⁶ Учитывая это, эффективность военных расходов для Варшавского договора (переменная y) была выше, чем у НАТО, что вероятно приводило к еще большей близости военных потенциалов.

Основная стратегия Запада – очерченная в NSC-68 и основанная на теории Джорджа Кеннана о сдерживании – предполагала, что сохранение *статус-кво* в конце концов приведет к распаду Восточного блока. Запад был в состоянии предотвратить драматическое изменение мирового порядка в течение нескольких десятилетий и поддерживая достаточный военный потенциал, сделав так, чтобы результат потенциального военного советского авантюризма был неоднозначным. Запад сдерживал Восток и создавал условия, при которых он оставался в застое и загнивании в изоляции. Не прибегая к военной победе над Востоком в войне, Запад реализовал успешную стратегию путем сохранения *статус-кво*.

Некоторые предполагали, что если бы Советский Союз понял, что в конце концов Запад победит, а Восток встретит свою кончину, Советский союз стал бы искать удобный момент напасть первым для того, чтобы воспользоваться преимуществом. К счастью, Советский Союз считал, что в его интересах продолжать упорствовать, пока его альянс не распался, вместо того, чтобы рискнуть и развязать мировую ядерную войну. Мир, вероятно, должен благодарить за это решение Михаила Горбачева. Однако, ни выбор, ни результат никогда не были заранее ясными. Не было никакой гарантии, что Советский Союз выберет возможный распад, а не войну.

Заключение

В последние годы множество потенциально враждебных региональных сил стали сильнее, агрессивнее и все чаще они используют запугивание. Россия, Китай, Се-

⁷⁵ Noel E. Firth and James H. Noren, *Soviet Defense Spending: A History of CIA Estimates, 1950-1990* (College Station, TX: Texas A&M University Press, 1998), 120. Данные выражены в долларах США за 1983 год. Средние значения вычислены автором.

⁷⁶ Congressional Budget Office, *Assessing the NATO/Warsaw Pact Military Balance* (Washington, D.C., December 1977), xii.

верная Корея и Иран демонстрировали готовность использовать военную силу для расширения своих сфер влияния и реализации своих территориальных притязаний, которые международное сообщество не признает. Однако, формируя региональные альянсы, группы государств, подвергающихся угрозе в каждом из соответствующих регионов, могли бы инвестировать в свою коллективную оборону, чтобы противодействовать агрессивным силам по разумной экономической цене. Общее использование военного потенциала объединит необходимые ресурсы и увеличит потенциальные военные способности нескольких государств, распределив расходы между ними, и таким образом позволит группе меньших государств обрести уверенность в защите против более сильного противника.

Оборонные расходы можно использовать как приблизительный простой показатель для определения военного потенциала государства. Это упрощение, при котором предполагаются одинаковые уровни разумности, эффективности и масштаба экономики при расходовании денег, а также принимается, что дополнительные угрозы безопасности, с которыми сталкивается каждая из сторон, нейтрализуют друг друга. Это означает, что данный региональный альянс просто будет стремиться к сохранению военного *статус-кво* при завершении военного конфликта, и сочетание сил, необходимое обороняющемуся против самой большой воспринимаемой угрозы так же обеспечивает минимальный потенциал, необходимый для противодействия меньшим угрозам. Тем не менее, анализ оборонных расходов дает разумную приблизительную оценку для определения необходимого бюджетного потенциала для противодействия враждебной региональной силе.

Конвенциональное военное мышление предполагает, что обороняющаяся военная сила пользуется естественным преимуществом необходимой в три раза меньшей военной мощи, чем та, которая необходима наступающим. Наступающим силам необходимо превосходство 3:1 в боевом потенциале для обеспечения 50 процентного шанса на победу над обороняющимися. Поскольку государства, которым угрожают враждебные региональные силы, пытаются сохранить *статус-кво*, они по определению находятся в оборонительном положении, защищая свою территорию и интересы. Эти государства могут увеличить уверенность в своей способности выдержать военные нападения, обеспечив соответствующие оборонительные расходы. Увеличение отношения потенциалов выше значения 1:3 улучшает шансы вооруженных сил на успех в стратегической обороне выше уровня 50/50.⁷⁷ Увеличение отношения потенциала обороняющегося выше значения 2:3 увеличивает его шанс предотвратить достижения целей противника до 80%. В виде формулы это дает:

$$R \geq T / (3uw)$$

где:

⁷⁷ Для дальнейшего объяснения алгоритмических уравнений для приближения военных шансов на успех смотри М.Е. Tillman, "Optimizing Force Ratios to Develop a Course of Action," *Mathematical and Computer Modeling* 23:1/2 (1996): 55-63.

- R – совокупные расходы на оборону стран, противостоящих враждебной силе T
- T – ожидаемые оборонительные расходы враждебной силы
- y – коэффициент трения при потере эффективности расходов в альянсе R , и
- w – коэффициент альянса для оценки эффективности расходов по сравнению с враждебной силой T .

Альянс может определить минимальный объем необходимых оборонных расходов – базу – для обеспечения потенциала, необходимого, чтобы гарантировать шанс 50/50 не позволить враждебной региональной силе достичь своих целей при вооруженном нападении. Естественно, увеличение оборонных расходов выше этого уровня обеспечивает большую вероятность успеха. Однако поддержание потенциала недостаточно. Государства, которые находятся под угрозой, должны демонстрировать готовность использовать силу для защиты своих интересов. Поддержание соответствующих уровней военной готовности показывает уровень решительности.

Глобальные силы так же играют роль в противодействии региональным агрессорам с тем, чтобы сохранить мировой порядок, что соответствует их интересам. Глобальные силы должны поддерживать региональные альянсы в начале их формирования, поскольку враждебные силы могут попытаться сорвать их учреждение. Глобальные силы могут предоставлять некоторые специальные уникальные боевые способности, которыми они располагают соответственно своему статусу, и по сравнительно более низкой цене, чем могут это делать более маленькие члены альянсов. Так же, напрямую предоставляя ресурсы региональным альянсам, глобальные силы могут увеличить вероятность военного успеха альянсов.

Глобальные силы должны предотвращать формирование альянсом между враждебными региональными силами и осуществлять оборонные расходы на уровне двух третьих от расходов наиболее значимого потенциального противника. Такой уровень оборонных расходов гарантирует государствам, находящимся под угрозой, что они смогут учредить альянс под защитой зонтика глобальной силы. Глобальные силы, а также существующие альянсы в среде архитектуры безопасности, которая изменяется при формировании новых союзов, должны внимательно относиться к своим договорным обязательствам для того, чтобы гарантировать, что риски распределены пропорционально между странами, и должны предпринимать меры для уменьшения опасности, что третья сторона втянет другие государства в гораздо более широкомасштабную войну.

Некоторые утверждают, что когда есть равновесие сил, ситуация является более стабильной. Однако, пример Первой Мировой Войны показывает ужасающую ошибочность такой логики. В итоге, ни баланс сил между сторонами, ни превосходство одной из сторон не гарантируют сохранение мира. Начало войны так же трудно прогнозировать, как события на бирже. Однако, пример Холодной войны показывает нам, как сохранение *статус-кво* может быть эффективной национальной стратегией. Изменение мирового порядка с помощью военной силы требует наступательного потенциала и приводит к намного большим военным расходам.

Литература

American Government: Political Development and Institutional Change. 5th ed. Taylor & Francis Publishing, Inc., 2009.

Assessing the NATO/Warsaw Pact Military Balance. Washington, D.C.: Congressional Budget Office, 1977.

Capabilities of the Japanese Self-Defense Force and its Impact on United States-Japan Relations. Vol. Master's thesis. Monterey, CA: Naval Postgraduate School, 2011.

Closing Time: Assessing the Iranian Threat to the Strait of Hormuz. *International Security* 33, no. 1 (2008): 82-117.

Cohen: Middle East fearful of Iran. *The Washington Times* (2009).

Confronting Backlash States. *Foreign Affairs* 73, no. 2 (1994).

Conscious Uncoupling: Reducing Europe's dependence on Russian gas is possible – but it will take time, money and sustained political will. *The Economist* (2014).

Deterring North Korean Provocations. Brookings East Asia Commentary, 2011.

Europe's Last Summer: Who Started the Great War of 1914?. New York: Random House, 2005.

Flight International, 2012.

Gulf Nations Announce Joint Military Command. Atlantic Council, 2013.

Hillary Clinton's remarks at the Joint Discussion with Israeli President Shimon Peres, hosted by the Brookings Institution, 2012.

Improved Operational Testing and Evaluation: Better Measurement and Test Design for the Interim Brigade Combat Team with Stryker Vehicles In Phase I Report. Washington, DC: National Research Council, The National Academies Press, 2003.

Jane's Armour and Artillery 2005-2006, 2012.

Jane's Fighting Ships 2002-2003, 2012.

Japan: Eye on 1970. *Foreign Affairs* 47, no. 2 (1969): IV/6.

Manufacturing partners: Japan – South Korea security cooperation and Australia's potential role InASPI Strategic Insights 69. Australian Strategic Policy Institute, 2014.

Military Aircraft Update: Northrop F-5/T-38. *Aviation Week & Space Technology* (2013).

Military Expenditures by Country. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), 2012.

- New Europe Is As Divided About Russia As Old Europe And That's Bad For Everyone. *The Economist* (2014).
- Next test for Obama: Soothing the Saudis. *Los Angeles Times* (2014).
- North Korea's Estimated Stocks of Plutonium and Weapon-Grade Uranium*. Washington, D.C.: Institute for Science and International Security, 2012.
- North Korea's Military Threat: Pyongyang's Conventional Forces, Weapons of Mass Destruction, and Ballistic Missiles*. Carlisle: US Army War College, Strategic Studies Institute, 2007.
- Nuclear Capabilities and Potential Around the World*. National Public Radio, 2010.
- Offense, Defense, and War*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2004.
- Optimizing Force Ratios to Develop a Course of Action. *Mathematical and Computer Modeling* 23, no. 1/2 (1996): 55-63.
- Report for Selected Countries and Subjects*. International Monetary Fund, 2014.
- South Korean Defence Modernisation. *Asian Military Review* (2013).
- Southeast Asia: A Historical Encyclopedia From Angkor Wat to East Timor*. Vol. 2. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO Publishing, 2004.
- Soviet Defense Spending: A History of CIA Estimates, 1950-1990*. College Station, TX: Texas A&M University Press, 1998.
- Strike Operations over Libya: A True Success for France and Britain. *Defence Review Asia* (2011).
- Tension reduction by military power equalization: The USA-USSR case. *Kybernetes* 40, no. 5/6 (2011): 778-788.
- The Enduring Vision*. 6th concise ed. New York: Houghton Mifflin Publishing, 2007.
- The Guns of August*. New York: Macmillan, 1962.
- The Hollow Pact: Pacific Security and the Southeast Asia Treaty Organization*. Fort Worth: ProQuest Publishing, 2006.
- The Measure of a Superpower: A Two Major Regional Contingency Military for the 21st Century In National Security and Defense, Special Report*. Washington D.C.: The Heritage Foundation, 2013.
- The Military Balance 2010*. London: Routledge Journals for the International Institute for Strategic Studies, 2010.
- The Naval Institute Guide to Combat Fleets of the World: Their Ships, Aircrafts, and Systems*. 15th ed. Annapolis, MD: Naval Institute Press, 2007.
- The North Atlantic Treaty*. Washington D.C.: North Atlantic Treaty Organization, 1949.
- WWI Centennial: The Arms Race Shifts into High Gear*. MentalFloss.com, 2013.